

вительства в тревоге от неконтролируемой и нелегальной миграции из третьего мира, но боятся ее пресечь. Полицейские, застрелившие в Лондоне известного бандита, направившего на них пистолет, опасаются обвинений в неправомерном применении оружия. Развитый мир нуждается в лидерах, сопоставимых по своим масштабам с Черчиллем, Аденауэром, де Голлем, Рейганом и Тэтчер. Но, увы, таких пока нет...

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ПЕРЕЗАГРУЗКА МЕРТВА

*«На мою могилу нанесут горы мусора,
Но ветер истории безжалостно его развеет».
Приписывается И. В. Сталину.*

Вот уже пять лет выходят в журнале *Индекс Безопасности* и вот уже пять лет пишущая обзоры международных событий. Оглядываясь на пройденный путь, понимаешь, как сильно изменился мир за прошедшие годы. От еще даже не ожидания перемен, а просто ощущения того, что новый мировой порядок буксует, через первый *пинк* мирового финансового кризиса 2008 г. к ситуации постоянной нестабильности в одном из ключевых для мировой политики регионов и ожидания глобальной экономической и политической нестабильности. Вы даже будете смеяться, — российская внутренняя политика вновь стала интересной. А это уже даже не симптом. Это диагноз.

Это движение, конечно, не развивалось по прямой линии, сопровождалось зигзагами и непоследовательностью политиков, вдруг появляющимися надеждами на умиротворение. Однако весь пройденный путь, надеюсь, смог убедить всех нас, что в современном мире нет ничего прочного, ничего безусловно стабильного. Вряд ли можно говорить о периоде с 1991 по 2011 г. как о периоде стабильности. Это было бы абсолютным цинизмом по отношению к жертвам региональных конфликтов и локальных геноцидов. Это было бы неправдой и с исторической точки зрения. Дело не в том, что конфликтов и войн было меньше, чем обычно. Дело в том, что многим казалось, что все те константы, которые относятся к *цивилизованному миру*, вечны, то есть и существовали всегда, и никогда не изменятся. И стоит только попасть в число избранных, и как по мановению волшебной палочки стабильность и относительное материальное благополучие сделают политические проблемы, и внешние, и внутренние, совершенно несущественными. Как говаривал покойный Егор Гайдар, вероятно, последний искренний либерал в нашей стране (злые языки сказали бы: первый и последний): *«Я хочу жить в скучной стране»*. Кто бы мог подумать, что в тихой Европе обнаружится, как минимум, полдюжины интересных стран, а самой *интересной* из них станет Греция, причем интересной не только и не столько для самих греков (которые с завидной регулярностью выплескивают на улицах Афин и других крупных греческих городов свою агрессию, видимо, накопившуюся за годы членства в ЕС), сколько для остальных жителей объединенной Европы, которые начинают уже всерьез сомневаться в том, что следующее поколение европейцев будет жить обязательно лучше предыдущего.

Такое оживление европейской политики происходит на фоне еще одного весьма *перспективного*, извините за цинизм, явления: вхождения европейского мультикультурализма в фазу активного умирания. С Америкой дело обстоит намного сложнее, но и там происходят схожие процессы. Это видно хотя бы по ситуации во Флориде и Калифорнии, а также по появлению «Движения Чаепития», что знаменует, безусловно, кризис традиционной американской многокультурности и многоукладности. Однако, в отличие от США, в Европе смерть мультикультурализма становится уже политическим вопросом. Во всяком случае неэффектив-

ность мультикультурализма как стратегической концепции была признана на политическом уровне в странах, где он был своего рода аналогом «Морального кодекса строителя коммунизма» и признан крах мультикультурализма был не просто так. Это произошло в момент, когда просто эмиграция выходцев из мусульманского Востока и Африки дополнилась пресловутой *арабской весной*, которая, конечно, уже не весна, но тем не менее воздух свободы продолжает кружить голову арабской молодежи как когда-то профессору Плейшнеру. В Европе заговорили о конце мультикультурализма, когда он стал представлять системную политическую угрозу, имеющую ярко выраженный силовой компонент. Ведь надо быть крайне наивным, чтобы отрицать, что то оружие, которое высвободилось со складов Каддафи в ливийской пустыне и та энергия протеста, которая проявляется чуть ни каждую неделю на площади Тахрир в Египте и в сирийских городах, вполне может начать искать себе выход в предместьях Парижа, Рима и Лондона. Вопрос только в том, когда...

И, пожалуй, именно это движение от смутного предчувствия беды, которое только обозначилось в конце 2006 г., до почти полной и всеобщей уверенности в том, что дальше будет только хуже, наверное, и было тем самым важным глобальным процессом, о котором, в действительности, стоило писать.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОСТПЕРЕЗАГРУЗКА

Не успели остыть эмоции по поводу того, как цинично и вместе с тем изячно — все, конечно, все понимают, но не придержишься — разрешилась главная интрига относительно будущих парламентских и президентских выборов в России, как началось обсуждение того, что же теперь будет с российско-американскими отношениями, которые, как считалось, потеплели за последнее время. Несмотря на то что вряд ли мои рассуждения к моменту выхода журнала будут сверхактуальными, все же рискну высказать несколько позиций, которые мне кажутся важными.

Первое. Провозглашая *перезагрузку* в отношениях с Россией, американская дипломатия (и тут личную роль Хиллари Клинтон трудно переоценить) допустила принципиальную методологическую ошибку, не учтя произошедшие за последние годы изменения в системе власти в России. Иными словами, опираясь на стереотипы клинтоновского президентства, американцы продолжали рассматривать систему власти в России как опирающуюся — во всяком случае во внешнеполитической сфере — на 2–3-х людей, причем стремились подобрать их кандидатуры из числа наиболее приятных для себя в общении. Помните, как в самом начале *перезагрузки* из Вашингтона раздалось пожелание заменить С. В. Лаврова на посту министра, — мол, неприятный он в общении человек. И удивлению американцев, что этого не произошло, не было предела. Но этот эпизод был отражением общего настроения американцев — достаточно поменять пару-тройку персонажей и при укреплении власти Д. А. Медведева дела пойдут на лад. Так или иначе наши американские партнеры посчитали личные либеральные симпатии Д. А. Медведева и его ближайшего окружения достаточным основанием для того, чтобы рассчитывать на долгосрочное изменение внешнеполитического поведения России. На деле в России система власти оказалась достаточно сложна и предполагает очень сложное сочетание интересов различных групп (хотя бы и происходящих в недавнем прошлом из *великого города с областной судьбой*), а также не менее сложный механизм влияния на внешнюю политику со стороны общественного мнения. Можно сказать, что ***перезагрузка умерла в тот момент, когда ливийская клиентела Вашингтона начала заявлять о пересмотре контрактов с российскими компаниями.***

Второе. По сути, стратегический проект, попытка выстроить отношения с Россией на 10–15 лет, предпринятая в предельно сложный для США период, как с внутривнутриполитической, так и с внешнеполитической точки зрения, на деле концентрировался вокруг единственного ключевого вопроса — о поддержке Россией действий США в отношении Ирана. Такое впечатление, что больше американцам от России ничего

и нужно-то не было, за исключением, естественно, ритуальных требований свободы самовыражения для политических маргиналов из «Другой России» и призывов прекратить *гонения на Свидетелей Иеговы*. А главное, — США не были готовы дать России ничего из того, что (справедливо или ошибочно, не суть) рассматривается ею в качестве безусловных приоритетов. Но стратегические взаимоотношения так не строятся. И если кто-то в российской элите всерьез рассчитывал на какое-то долгосрочное понимание с американцами на такой основе, то он, мягко говоря, вконец наивный человек, с мнением которого не особенно посчитались в Кремле. Иными словами, если *перезагрузка* — это компромисс, то для компромисса должна быть серьезная база.

Третье. При всем том, что *перезагрузка* поначалу была очень симпатична очень многим в российской элите, причем необязательно проамериканским либералам, патриотической общественности она тоже льстила, поскольку создавала иллюзию, что *американцев дожали*. Однако надо понимать, что эта симпатия касалась отношений с США как *единственной сверхдержавой*. И не касалась и не могла касаться отношений с США как с государством, *погрязшем* во внутренних экономических проблемах, с расколотой элитой и падающим долларом. *Перезагрузка* с сильной Америкой имела смысл и немалый. А вот имеет ли смысл *перезагрузка* с сегодняшней Америкой — большой геополитический вопрос. И значительная (если не большая) часть российской элиты вполне может посчитать, что еще один цикл конфронтации с США окажется куда более интересным и политически рентабельным для нее, нежели продолжения невнятной политики последних месяцев.

Итак, *перезагрузка* мертва. Но таким ли уж *стратегическим* был этот проект, и так ли уж трагичны последствия его неудачи? Вряд ли. Так ли уж страшен будет еще один цикл конфронтации? Тоже вряд ли, если он не будет дополнен нестабильностью в ключевых районах мира и если у кого-нибудь по одну или другую сторону океана не сдадут нервы. Кстати, на всякий случай американцам неплохо было бы унять генсека НАТО Фог Расмусена, ряд высказываний которого иначе как провокацией назвать нельзя. Но в целом, правильнее было бы не плакать над трагической судьбой еще одной попытки российско-американского партнерства (тем более что *перезагрузка*, если разобраться, партнерства в действительности не предполагала), а, сделав выводы, разработать план новой *перезагрузки*, который может быть извлечен из стола, когда элиты обеих стран будут к этому готовы. Лет так через пять.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г. — МУТНАЯ ВОДА НЕ СТАНОВИТСЯ ЧИЩЕ

С неожиданным размахом *прогрессивное человечество* отметило — почти отпраздновало — десятилетие событий 11 сентября 2001 г. Внешне это действительно выглядело почти как праздник, во всяком случае для той части американского общества и международных игроков, которые считают новый глобальный интервенционизм лучшим лекарством от внутриэкономических проблем. *Герои 11 сентября* — Джордж Буш-младший, Ричард Чейни, Дональд Рамсфилд — казались, рисовались перед публикой, рассказывая о том, как они героически и мудро вели себя в день национальной трагедии. Однако эта почти праздничность еще более усугубила атмосферу невнятности, недомолвок, порой откровенной лжи, которая вокруг трагедии десятилетней давности сформировалась.

И вот, что интересно: чем дальше от 11 сентября 2001 г., тем меньше людей в принципе верят в официальную версию событий. И дело тут не только и не столько в классических конспирологических теориях. Дело тут в том, что любому непредвзятому наблюдателю стало за последние 10 лет ясно, что американцы много чего скрывают о событиях 11 сентября 2001 г. и что скрывают не зря. Но принципиальное различие между сокрытием фактов об американской лунной программе и о событиях 11 сентября не в том, что последние — гораздо

ближе к нам. Различие состоит в том, что любая информация — что же в действительности произошло 11 сентября 2001 г. и почему это произошло — имеет сугубо прикладное значение. Ведь даже если глубоко конспирологическая версия произошедшего не оправдывается (а она, скорее всего, не оправдывается), любое вскрытие подноготной событий 11 сентября 2001 г., например, во вполне умеренном контексте *провала спецслужб*, приведет к тектоническим сдвигам в американской политической элите, которые современная Америка может и не пережить.

Но главное даже не в этом. Совершенно не понятен истинный масштаб террористической угрозы. Ведь, если разобраться, США и страны НАТО ведут борьбу с терроризмом уже много лет, причем соответствие практики этой борьбы с терроризмом минимальным международным нормам весьма сомнительно, если не сказать большего. Но, поскольку мировое сообщество *как бы* дало мандат США на глобальную борьбу с терроризмом, *как бы* допуская, что американцы будут ее вести, где посчитают нужным и как посчитают нужным. Наверное, в той ситуации, как она виделась в сентябре 2001 г., по-иному и быть не могло. Но прошло уже 10 лет и, кажется, пора попросить (пока еще только попросить) у Соединенных Штатов отчет о том, что они делали, каких успехов они добились и какие у этих успехов были издержки.

Нандан Унникришнан (Индия) — директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* — по телефону из Дели: Военно-политическая напряженность в Афганистане и Пакистане остается главным дестабилизирующим фактором безопасности в Южной Азии. Убийство в Афганистане Бурхануддина Раббани, а также покушения на ряд видных лиц, которые вели переговоры с талибами, привели к резкому обострению ситуации. Нападение в середине сентября на представительство США и НАТО в Афганистане стало детонатором в американо-пакистанских отношениях. Вашингтон обвинил в причастности к нападениям Межведомственную разведывательную службу (ИСИ) Пакистана, которая, по мнению американцев, помогала террористам из группировки *Хакани*. Американцы угрозили Пакистану применением военной силы и сокращением финансовой помощи пакистанской армии. Возникшая ситуация представляет угрозу для всех стран региона. Думаю, переломным моментом для всей Южной Азии станет 2014 г., когда американцы выведут все войска из Афганистана. Поэтому мировое сообщество должно приложить максимум усилий для позитивного разрешения афганской проблемы.

Сложной остается внутривнутриполитическая ситуация в Индии. Возросший уровень коррупции в стране вызывает возмущения среди населения и угрожает перерасти в антиправительственные акции протеста. Определенный оптимизм внушала перспектива подписания договора по разделу воды в реке Тиста между Индией и Бангладеш. Но этого не произошло, что испортило позитивную атмосферу взаимоотношений двух стран. Непростыми остаются отношения Индии с соседними странами — Непалом, Шри-Ланкой, Мальдивами. Нарастает напряженность между Индией и Китаем. Решение Дели помочь Вьетнаму разведать нефтяные запасы в Китайском море вызвало негативную реакцию Пекина.

Для начала я задал бы несколько крайне простых вопросов.

- **Что Соединенные Штаты считают наиболее опасными с операционной точки зрения террористическими структурами в современном мире?** Давайте оставим в стороне бесконечную сагу об Аль-Каиде, убиенные лидеры которой множатся, как грибы после дождя, по мере падения рейтинга Барака Обамы, и поговорим о конкретных организациях и людях. Реальных организациях и реальных людях. США пора выложить свои знания на стол, в противном случае доверие к их антитеррористическому лидерству может быть серьезно подорвано.
- **Насколько реально сильна террористическая угроза развитым капиталистическим странам?** Насколько имеющиеся организации реально — а не в пропагандистском плане — имеют потенциал для нанесения удара по территории США их союзников, или, максимум, сегодняшних глобальных террористов, атаки на американские военные и гражданские объекты на территории развивающихся стран?
- **Насколько именно Афганистан может считаться центральной точкой в международных усилиях по противодействию исламскому терроризму и экстремизму?** Кажется, что это уже далеко не так и вся эта борьба с якобы существующими остатками Аль-Каиды в Афганистане является просто прикрытием для чудовищной коррупции и не менее чудовищной наркоторговли. А тем временем организационный центр глобальных террористических движений уже давно сместился в совершенно ином направлении. Например, в район Африканского Рога, откуда очень удобно совершить стратегический бросок и в Северную Африку, и к Баб-эль-Мандебскому проливу. Вот это будет штука посильнее 11 сентября, поверьте мне.
- И наконец, **каков в настоящее время юридический режим противодействию терроризму со стороны США?** Каковы — и есть ли они — одобренные уже новым президентом (к слову, лауреатом Нобелевской премии мира) стандарты обращения с задержанными и проведения специальных акций за пределами национальной территории США? Продолжают ли США в настоящее время использовать тайные тюрьмы в других странах для содержания задержанных по подозрению к причастности к международному терроризму?

Заметьте, я не призываю задавать вопросы о том, как и почему произошло то, что произошло 11 сентября 2001 г. на Манхэттене.

Подводя итоги, боюсь, я вынужден сказать о неприятном. Американцы столько раз кричали «пожар!» в момент, когда им это было нужно по политическим соображениям, что теперь им мало кто поверит, даже если они вдруг начнут говорить правду. И никто не поможет, если случится нечто, сравнимое по масштабу и политическому звучанию с событиями 11 сентября. Тем более, опять мы наблюдаем в американской внешней политике стремление найти *хороших террористов*. И отделить их от *плохих*. Причем логика этого совершенно не отличается от того, что мы слышали в 1980-е гг. Если отбросить всю словесную шелуху про борьбу с диктаторскими режимами, то в сухом остатке будет простая и эффективная формула: экстремистские и террористические структуры могут быть *хорошими*, если их финансирует Саудовская Аравия и другие страны — союзники США из числа нефтяных монархий. Некой модернизацией геополитической логики рейгановских времен, разработанной известной деятельницей праворадикального крыла американской элиты Джин Киркпатрик, является то обстоятельство, что Соединенные Штаты уже даже не ставят вопрос о контроле над деятельностью *повстанцев* и *борцов за свободу*. Видимо, в Вашингтоне мудро пришли к нехитрой мысли о том, что не стоит ставить перед собой невыполнимых задач. Крайне забавно, к слову, слушать объясне-

ния американцев и натовцев о том, что они, собственно, не знают, кого привели своими руками к власти в Ливии. Или все-таки знают, но боятся сказать об этом публично?

ПОСТЛИВИЙСКИЙ МИР: НЕОКОЛОНИАЛИЗМ XXI в.

Не хочется говорить о Муаммаре Каддафи, но придется. Не хочется говорить не только потому, что все уже сказано. Не хочется говорить потому, что фигура эта как была опереточной, так опереточно и сошла с глобальной политической сцены, успев пролить немало крови, но так и не продемонстрировав ни ума, ни стойкости, ни храбрости. Наивны утверждения некоторых патриотических политологов о том, что Каддафи проиграл, потому что НАТО *вбомбило* Ливию в *каменный век*. Если разобраться, то интенсивность воздушной кампании была относительно незначительной по сравнению с войнами в Югославии и Ираке. И контроль над воздушным пространством Ливии был весьма условным — чего стоят колонны из сотен единиц бронетехники, которые почему-то преспокойно уходили в Нигер, в Чад и еще неведомо куда... А главное — инфраструктурное и ресурсное обеспечения операции были весьма ограничены. Так что при наличии минимально дееспособной ПВО эффективность воздушной войны в Ливии была бы весьма низкой. А о том, что могло бы произойти, решишь Каддафи нанести удар по южной Италии и Сицилии, например, с использованием спецназа, можно себе сейчас только представить. Но не было у полковника ни ПВО, ни авиации, да и хваленый спецназ куда-то *рассосался*. Были только амазонки-телохранители и фуражка с высокой тульей. Да и вел себя полковник как-то странно: особенно накануне начала широкомасштабного наступления Переходного национального совета на Триполи во всем его поведении при внешней воинственности сквозила надежда, что натовцы, уставшие от бесплодной войны, вот-вот отстанут. Не отстали.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Глобальная экономика замерла в ожидании второй волны рецессии. Перегруженность финансовых систем США и Евросоюза ведет к обвалу котировок на мировых фондовых биржах. Экономическая *бездна*, в которую сползает Запад, снижает его роль и влияние на мировые политические процессы. Например, ситуация в Сирии доказала, что ведущие державы переоценили здесь собственные силы. Практические шаги для стабилизации ситуации в стране были сведены лишь к отдельным декларациям и экономическим санкциям, которые имели мало общего с достижением серьезного долгосрочного результата.

Военная операция оппозиции в Ливии, поддерживаемой с воздуха авиацией НАТО, с одной стороны, положила конец режиму Муаммара Каддафи, с другой — показала, что новые члены Североатлантического альянса не способны внести вклад в так называемую *жесткую силу* международной безопасности. Подобная ситуация наблюдается и в военной кампании НАТО в Афганистане. Отсюда, США следует серьезнее задуматься о пользе новых членов альянса и поставить под сомнения их способность адекватного реагирования на современные угрозы.

Видимо, разгром Каддафи произвел настолько глубокое впечатление на российских военных, что удостоился специального комментария от начальника Генерального штаба Н. Е. Макарова, который прямо сказал, если отбросить дипломатию, что *ливийский сценарий* актуален и для России. Кстати, хочется спросить: а что собственно он имеет в виду? Он что, не верит в монолитное единство Общероссийского народного фронта и партии *Единая Россия*, сплотившихся вокруг монолитного как никогда руководства страны? Он что, верит, что кучка несогласных может всерьез дестабилизировать страну, захватив какой-либо город и устроив там параллельный центр власти? Или он имеет в виду что-то другое? В таком случае, начальник Генерального штаба обязан назвать все своими именами и обрисовать перед страной весьма серьезную перспективу. Если кто не догадался, *что-то другое* — это то, что внешняя военная интервенция против нашей страны в постливийский период перестала быть полностью невероятной. Да, ее вероятность пока относительно мала, а она есть. Вот только странно, что в качестве основного рецепта для предотвращения апробации ливийского сценария на России генерал армии Николай Макаров предлагает вооружить снайперов (не 38, как у Бориса Ельцина в Первомайском, а гораздо больше, что, вероятно, стоит считать большим прогрессом) западными снайперскими винтовками, да и, в принципе, закупать оружие за рубежом. Оружие, которое — как понимает любой ребенок — при первых признаках этого пресловутого ливийского сценария перестанет летать, ездить и стрелять. Кажется, покупка оружия за рубежом для нынешнего руководства Министерства обороны становится некоей навязчивой идеей, которая переходит в навязчивое состояние, которое, боюсь, терапевтическими средствами уже не излечить. Пора, как говорил один российский политик, *присылать доктора*.

Гораздо более интересно и продуктивно попытаться понять, что же такое представляет собой пресловутый *ливийский сценарий* с политической и военно-политической точки зрения. Конечно, это классический пример колониальной войны, ничем, по сути, не отличающийся от того, какие войны вела викторианская Англия в Индии и Южной Африке. Но вот современная конкретика оказывается весьма интересной и поучительной.

Первое. Создание или имитация *эффекта массовости* протестов. С учетом почти полного контроля *западных демократий* над глобальными средствами массовой информации и наличием технологий промывания мозгов, которые не снились ни Йозефу Геббельсу, ни советским пропагандистам, создание картинки массовых протестов для зарубежного общественного мнения не составляет проблем. Если основу для нее нельзя отснять на месте, ее можно снять где-то еще, как доказала нам *Аль-Джазира*. И поверьте, к слову, создать на *CNN* и в *Euronews* картинку заполненной оппозиционерами Москвы будет нетрудно. А то, что она вряд ли будет соответствовать действительности, не имеет значения. Смогли ведь западные СМИ убедить собственное общественное мнение, что это Россия напала на Грузию.

Второе. И, наверное, самое главное и самое сложное: формирование альтернативного центра власти, пусть он даже находится где-то на американском или французском военном корабле. Не помешал же Переходному национальному совету Ливии изображать из себя подобие власти тот факт, что его руководство носа не казало с вертолетоносца *Мистраль*. В Сирии ливийский вариант не прошел в том числе и потому, что не удалось создать даже подобия альтернативного центра власти, с одной стороны, не смогли провозгласить *освобожденной территорией* ни одного населенного пункта, а с другой — настолько ненавидели друг друга, что создать из них подобие структуры не удалось даже саудовским кукловодам. Только через пять месяцев нестабильности, когда эффект внезапности был уже исчерпан, появилось некое подобие *совета оппозиции*.

Третье. Замораживание зарубежных счетов режима. Простое и очевидное решение. Чтобы почувствовать *масштаб бедствия*, представьте, что 75% российских золотовалютных резервов в тот момент, когда наши отношения с Западом и пре-

жде всего с *империей добра* — США — начнут по-настоящему обостряться, будут в одночасье потеряны. И апелляции к международному праву не помогут. Поэтому, вероятно, именно ситуацию с золотовалютными резервами страны и следует считать в сегодняшней ситуации главной угрозой национальной безопасности страны.

Четвертое. Перевод ситуации в двухстороннее силовое русло. Для реализации сценария *гуманитарной неокOLONиальной войны* нужно, чтобы началась стрельба с обеих сторон. Война не начнется, пока режим своими танками *односторонне* давит оппозицию. Нужно, чтобы оппозиция начала жечь эти танки. Иными словами, нужно, чтобы в оппозиции возобладали радикалы, настроенные на что угодно, только не на диалог с властями, и чтобы эти радикалы развязали полноценную гражданскую войну. Да, конечно, вполне людоедский сценарий, но такова уж логика *оси демократизации* — Вашингтона–Парижа–Эр-Рияда: свобода — и добавим, нефть с газом — должны быть обильно окроплены кровью. Конечно, не американской, не французской и не саудовской.

Мы можем как угодно относиться к данному сценарию и к действиям западной коалиции в Ливии, но нельзя не признать того пренеприятного факта, что (1) этот сценарий работает, (2) этот сценарий работает не только в отношении Муаммара Каддафи, и (3) последствия реализации этого сценария не всегда контролируются теми, кто подобный сценарий запускает. Но это их, собственно, не очень тревожит. А это уже прямая дорога к признанию того, что целый ряд политических сил на Западе, отводя энергию ливийского сценария от своих союзников в арабском мире, может попытаться что-то подобное разыграть и в постсоветской Евразии. Тем более что в целом ряде центральноазиатских государств, славящихся витринной стабильностью, верхи уже *не могут*. И вот-вот перестанут хотеть *низы*.

Константин фон Эггерт (Россия), член Королевского института международных отношений — по телефону из Москвы: Усиливающаяся нестабильность на Ближнем Востоке массированным образом влияет на состояние безопасности в мире. Обострение противостояния вокруг палестино-израильских переговоров, угроза прихода к власти в Египте радикальных исламистов после выборов в стране в ноябре и январе, напряженность, сохраняющаяся в районе Средиземноморского бассейна, могут вызвать коллапс во всем регионе. Не самым лучшим образом на международную безопасность воздействует военно-политическая напряженность в Афганистане.

Экономический кризис зоны евро — главный дестабилизирующий фактор европейского региона, который в той или иной степени может затронуть и Россию. Вместе с тем возвращение в мае 2012 г. в Кремль Владимира Путина означает, что политика Москвы будет фокусироваться на удержании российского влияния в тех республиках постсоветского пространства, где оно еще ощутимо. Украина и Белоруссия — в числе главных приоритетов. Для удержания этих стран в зоне российского влияния будут активно использоваться такие механизмы, как ОДКБ и Таможенный Союз. Заключение договора по созданию совместного газового консорциума между Россией, Украиной и Европой может стать стабилизирующим фактором для всех вовлеченных в него сторон.

ПЕСНЯ О ТАНКЕ, ИЛИ ЗАМЕТКИ О РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Простите за каламбур, но как-то неожиданно, хотя и ожидаемо вновь разгорелась дискуссия вокруг вопросов обороноспособности России. Понятное дело, что началась она как объяснение того, почему Министерство обороны упорно не хочет покупать российское вооружение и стремится закупать вооружение западное. Как это ни странно, ключевым вопросом, вокруг которого схлестнулись различные интересы в российской военной и военно-промышленной элите и который приобрел почти политическое звучание, оказался вопрос о перспективном российском танке. Казалось бы, с учетом опыта военных конфликтов последнего десятилетия вырисовывалось мнение о том, что танки постепенно утрачивают свое значение на поле боя. Показательно, кстати, что все крупные военные державы в последние годы ограничиваются лишь модификациями ранее разработанных моделей, причем не сказать, чтобы очень глубокими. Однако для российской военной элиты тема *танка будущего* обладает глубоким, почти религиозным символизмом. Что, к слову, означает, что заявляя на публике о том, что они *глубоко изучили опыт локальных войн*, российские генералы ни на йоту не продвинулись вперед в своем понимании войны будущего, если не со времени Белорусской операции 1944 г., то с арабо-израильской войны 1973 г. точно. Как бы то ни было, российским танковым конструкторам *икалось* в последние три месяца как никогда.

Вопрос, однако, состоит не только в том, чтобы догнать по уровню американское и западноевропейское танкостроение. Это сложно, дорого и, вероятно, в современной российской действительности невозможно. Когда речь идет о торговле земельными участками на Рублевке, молкнут не только музы, но и танковые пушки. Гораздо продуктивнее будет попытаться *обойти с тыла* наших западных конкурентов. Обойти, просто задумавшись о роли и значении танков в современных войнах. Ведь в конечном счете танк задумывался как средство огневой поддержки пехоты при преодолении ими укрепленных рубежей. Танк изначально и вплоть до середины 1950-х гг. не рассматривался как машина для уничтожения себе подобных. Более того, при грамотном ведении боевых действий в качестве такого не использовался, например, в июне 1941 г. немцы *перещелкали*, извините за цинизм, советские мехкорпуса преимущественно противотанковой артиллерией. А единственный *сбой* у гитлеровцев и наша *почти победа* случились 25 июня под Дубно, где танковые подразделения столкнулись лоб в лоб. Во всех прочих случаях гитлеровцы выдвигали против советских танков артиллерию и достаточно легко парировали наши контрудары.

Теперь же танк стал громоздкой, безумно дорогой машиной, львиная доля стоимости которого уходит на системы активной защиты. Танк уже может сбивать вертолеты. Он вооружен системами точечной защиты от ПТУРов. И при этом он остается уязвимым не только от атак с воздуха, но и от одиночного бойца с гранатометом, стреляющего из-за угла или с крыши дома с близкого расстояния. Достаточно внимательно изучить безрадостный опыт использования танков американцами в Ираке, а израильтянами в Ливане. И задать простейший вопрос: а зачем?

Давайте признаемся, танк в том виде, как он сформировался в 1960-х гг., выродился. Если мы признаем, что Россия не собирается вести масштабные танковые сражения в пустыне Гоби или сложные маневры в Фулдском коридоре, обходя каменные изгороди центральноевропейских деревень, встает вопрос: а нужен ли нам такой танк. И какой танк нам тогда нужен. Выбор есть и немалый: есть, к примеру, идеальный танк для локальных конфликтов в пустынной местности (*Абрамс* — вы представляете себе такой танк на узких европейских дорогах? Я — нет.). Создан и достаточно успешно используется в боевых действиях танк — подвижный форт (*Меркава* и, кстати, не самый бесполезный вариант). Наконец, для любителей *гаджетов* есть танк для демонстрации инноваций, но имеющий сомнительную боевую ценность (*Леклерк*). Думаю, что при условии завинчивания гаек и отвинчивания голов, российская оборонная промышленность сможет что-то похожее выдать на-гора.

А может, стоит подумать, как вернуть танкам их изначальную функцию. И тогда нам нужен вообще другой танк, с другими параметрами, с другими принципами организации огня. Нам тогда будет нужен классический пехотный танк, т. е. высокозащищенная боевая машина, способная одновременно вести огонь более чем по двум целям. Добавим и современные реалии: это должна быть боевая машина, способная поражать воздушные объекты на дальности свыше 3500 м. Кстати, проект *T-95*, многократно оплеванный и военными, и некоторыми экспертами из числа штатских, общей идеей напоминает именно такой танк. Дорого? Да, дорого. Но ведь этих танков должно быть относительно немного. Для нашей страны вполне достаточной была бы группировка в 800–850 таких полностью боеспособных танков с обученными основными и сменными экипажами. А главное — этот танк нужно использовать как средство расчистки пути для пехоты и вместе с пехотой. Не более того, но и не менее.

А для локальных и региональных конфликтов куда более уместны будут легкие, но хорошо бронированные машины с универсальным вооружением. И вот тут как раз в российской оборонке есть из чего выбрать и есть, что дорабатывать в соответствии с реальными требованиями современной войны.

Вы думаете, что тема танков для российской армии — единичный случай технологического, а по сути — военно-стратегического тупика? Отнюдь. Те же самые вопросы стоят и в отношении самолета непосредственной поддержки войск. Кстати, на мой взгляд, наибольшее, почти трагическое отставание у нашей армии именно в этом компоненте, и закрыть это *окно уязвимости* закупками в Израиле беспилотников вряд ли возможно. Нужен, фактически, не просто штурмовик — эти функции выполняют скоростные вертолеты. Нужен полноценный ближний бомбардировщик, последние образцы которых относятся к концу 1940-х гг. И создание такого самолета — это реальный вызов нашему ВПК, но это вызов, который даст возможность отделить мертвое от живого. А 120-я модификация созданного в начале 1970-х гг. самолета *Су-27* — это уже не просто не интересно, это почти пошло.

Глубоко нездорово обстоят дела и в артиллерии, но дело тут не столько в способности к быстрому развертыванию, сколько в неясности относительно специализации различных видов артиллерии и стремлении все задачи решать одним типом установок.

А то, что творится в военно-морском строительстве, иначе как *бестолковщиной* (кстати, абсолютно исторический термин в военно-морском строительстве) назвать нельзя.

Вместо упования на закупки за рубежом, которые, к слову, уже обросли чередой коррупционных скандалов, более продуктивно было бы задуматься о следующем: в конечном счете наша военная промышленность такова, какой мы ее заслуживаем. И ни для кого не секрет, что состояние наших производственных и конструкторских ресурсов плачевно. Но никто не снимал и с военных задачу выработки новых требований к боевой технике на основе тех задач, которые она должна выполнять. И в данном случае есть вещи, которые лежат открыто на поверхности, ведь локальные войны последних двадцати лет четко показали, что нужно российской армии для того, чтобы чувствовать себя в относительной безопасности с точки зрения защиты страны от внешнего врага.

Во-первых, надо отразить первые три-четыре дня воздушной кампании противника, уничтожив не менее 12–15% носителей его высокоточного оружия. Именно носителей, то есть самолетов (неплохо было бы потопить и какой-нибудь корабль, но главное в данном случае — самолеты, как оружие многоразовое).

Во-вторых, надо нанести удар по национальной территории стран — участников агрессии, пусть даже точечными диверсионными акциями. И совершенно неважно, если погибнут *мирные жители*: в войнах сильного против слабого у сильного некомбатантов не бывает. Главное — создать у сильного понимание своей уязви-

мости, понимание того, что в отношении России нельзя вести классические колониальные войны.

В-третьих, надо ввести свои сухопутные войска в состояние непосредственного соприкосновения с противником и начать, простите, убивать, хотя бы понемногу, солдат противника, даже ценой утраты части собственной территории. И не только на линии соприкосновения, но и в оперативном тылу. А не выжидать по принципу *нас бьют, а мы крепчаем*, который нам продемонстрировали все плохо кончившие лидеры последнего десятилетия.

А теперь скажите — причем тут *Мистраль*? И причем здесь новый российский танк?

ПРО КАК РУДИМЕНТ И АТАВИЗМ

Помните, как в удачном фильме В. Бортко *Собачье сердце* превращающийся обратно в пса Шариков реагирует на произнесенное одним из членов жилкомхозовской комиссии слово *атавизм*? Вскочив, он выкрикивает: «Нецензурными словами не выражаться!!». Примерно такое же отношение, кажется, складывается и к европейской противоракетной обороне. Вопрос этот настолько долго и, да простят меня специалисты, занудно обсуждается и в экспертных кругах, и в СМИ, что уже ничего, кроме раздражения, не вызывает. И уже забылись и первичные аргументы в пользу того, что система обязательно должна быть размещена в Польше и в Чехии (а ведь серьезные аргументы приводили и даже чертились схемы пролета то ли иранских, то еще каких-то ракет). Забылось и то, с каким жаром говорилось о необходимости прикрыть противоракетным зонтиком европейские страны. Забылось почти все, с чего начинался еще пять лет назад разговор о необходимости размещения в Восточной Европе объектов ПРО США. Кажется, что на завершающем этапе этой то ли драмы, то ли комедии главная мысль американских военных и политиков заключалась в том, чтобы разместить злосчастный радар и перехватчики хоть где-нибудь, но подешевле. Последнее понятно. В состоянии экономического предкризиса на американское общество могли бы произвести слишком сильное впечатление материальные притязания восточноевропейских союзников США. Конечно, Турция (где американской инфраструктуры, в том числе радаров, и так хоть пруд пруди) и Румыния — это, как говорится, *и труба пониже, и дым пожиже*, но в целом, вопрос решен.

И только Россия не дает спокойно отнестись к этой замусоленной теме. То появляются заявления о наличии прогресса в переговорах о некоей *секторальной ПРО*. То, через очень короткое время выясняется, что никакого прогресса нет, и ПРО США как строилось без учета мнения России, так и продолжает строиться. Интересно, однако, наблюдать за российской дипломатией, которой теперь придется доказывать, что радары в Турции и Румынии также угрожают безопасности нашей страны, как и объекты ПРО в Польше и Чехии. Будет крайне сложно, но, наверное, интересно. Вот только непонятно, зачем все это делать.

Понятно, что России не нравится то, что она оказалась исключена из крупнейшего геополитического процесса. Понятно, что наших политиков раздражает даже не то, что ПРО в Европе все-таки будет размещена, а то, как это будет сделано — с видом, что России как серьезного игрока на мировой политической сцене не существует. Но даже с учетом этого недовольства (не сказать, чтобы законного, но во всяком случае понятного) необходимо помнить, что европейская ПРО — это рудимент и атавизм. Рудимент эпохи военно-стратегического паритета и ядерной биполярности и атавизм докризисного американского военного строительства. И относиться к ПРО необходимо как к рудименту, значение которого можно и нужно нейтрализовывать с помощью тех силовых и технических средств, которые характерны для современного мира, и как к атавизму, который может отмереть в условиях откровенной нехватки финансовых средств у США.

Если только Россия сама не вяжется в этот процесс и не профинансирует его. И уж точно не стоит устраивать вторую серию шоу под названием *борьба России против ПРО в Европе*, которая теперь уже будет не просто стратегически бессмысленна, но и прямо вредна.

О ВЕТРЕ ИСТОРИИ

Как же нам оценить ту динамику изменений международной ситуации, которую мы наблюдали за последние 3–4 месяца? Думается, выводы будут до банальности очевидны.

Первое. Применение военной силы со стороны развитых стран оказалось ратобуировано настолько, что начинает рассматриваться как обычный инструмент дипломатии, такой же, как экономические и политические санкции, которые, в свою очередь, также низведены до статуса дипломатического демарша. Правда, пока рано говорить о том, что понижение порога применения военной силы само по себе так уж резко снизило глобальную — именно глобальную, а не региональную — стабильность, но то, что роль военной силы в современном мире существенно повысилась, — абсолютный факт. И рано или поздно паровоз нового гуманитарного колониализма, переоценив свои возможности, споткнется. Столкнувшись с противником, который, отринув надежду на то, что от него вот-вот отстанут, решится на то, чтобы воевать по-настоящему. И вот тогда начнется самое интересное — локальный конфликт перерастет в региональный, а там, глядишь, и в трансрегиональный. А это уже совсем другое не только количество, но и качество применения силы.

Второе. Экономика становится важнейшим фактором, определяющим поведение ключевых стран мира. К примеру, хотелось бы узнать, какой объем государственных облигаций Франции (а, вероятно, еще и Италии) был куплен за последние несколько месяцев правительством, суверенными и частными фондами Саудовской Аравии и Катара — главных поклонников творчества Муаммара Каддафи в арабском мире и нефтяной отрасли. И не эти ли деньги удержали Францию от позорного для такой страны скатывания к рубежу финансового кризиса. Ужесточающееся поведение Турции в отношении ЕС и Израиля также говорит о том, что Анкара поняла значение собственного военного и геополитического потенциала и того, что в современных условиях его вполне можно конвертировать в новый экономический статус. Так что проблемы вокруг Кипра и его могучих залежей нефти — только начало. Схожий пример можно легко отыскать и на Дальнем Востоке, где поведение Южной Кореи отличается такими странностями, которые списать на *национальную специфику и историческую память* уже просто не возможно. Невозможно объяснить разворот Сеула от почти провоцирования войны с КНДР до вполне вменяемого обсуждения транскорейского газопровода. И не китайские ли инвестиции, так необходимые корейской экономике в условиях явных экономических проблем в США и Японии — основных источниках капитала для Сеула, стали основанием для того, чтобы несколько *сбавить обороты* в отношениях с северокорейскими соседями?

Третье. События в мире начинают происходить действительно очень быстро. Да, ливийская эпопея, конечно, выглядит исключением. Однако в исторической перспективе изменение за год практически всего пейзажа Ближнего и Среднего Востока, пребывавшего последние 30 лет в состоянии застоя, — это, очень быстро, почти мгновенно. И, к слову, попытка Махмуда Аббаса *забежать вперед* паровоза под названием *Хамас* с признанием Палестины со стороны ООН — тоже показатель быстроты происходящих событий. Быстроты, к которой ни Израиль, ни США не были готовы ни морально, ни материально, ни операционно. Накат второй волны экономического кризиса с этой точки зрения произошел почти мгновенно — никто даже не сумел по-настоящему насладиться откатом первой. Но быстрое течение глобальных процессов — это колоссальный вызов любой

национальной элите, поскольку требует от нее способности быстро отказаться от стереотипов мышления, шаблонов. Быстрый темп развития мировых событий требует от элиты подчеркнутого динамизма. И, кстати, это вызов тем, кто, выйдя однажды из реки под названием *стабильность*, решил войти туда во второй раз.

Четвертое. Ключевым звеном мировой политики в будущем станет вопрос о будущем мировой энергетики (проще говоря, вопрос о нефти) и будущее мирового рынка продовольствия (проще говоря, вопрос о зерне). Что касается вопроса о нефти, вероятно, нам необходимо признать, что все разговоры о постнефтяной экономике — блеф, призванный затушевать неприятную для развитых стран реальность — неготовность новой технологической платформы в энергетике. Иными словами, еще *очень* некоторое время мы будем жить в условиях классической углеводородной энергетики, которая, очевидно, имеет свои вполне понятные ограничения на масштабы и равномерность экономического роста. И то, что первой это поняла и продемонстрировала Турция, наиболее динамично и устойчиво развивающаяся индустриальная страна, очень показательно. Но главное, борьба за контроль над классическими углеводородами пройдет нешуточная, причем будет совершенно безразлично, сколько конкретно они стоят в тот или иной момент времени. Будет важно, что эти самые углеводороды *значат*.

Пятое. Конфликт *Север–Юг* все-таки состоялся. Однако пока он развивается не столько в парадигме Хантингтона, парадигме *столкновения цивилизаций*, если хотите, борьбе цивилизационных идей, а в классическом, почти марксистском, социальном разрезе. И состоялся этот конфликт не в точках соприкосновения цивилизаций, а в предместьях крупных европейских городов: Лондона, Парижа, Берлина, да и Москвы — если кто сомневается, съездите в Текстильщики и Люберцы. Речь идет о доступе представителей *Юга* к ресурсам — в постиндустриальном мире, естественно, к финансовым — сконцентрированным на благополучном *Севере*. И только потом появляются цивилизационные атрибуты вроде вопроса о парандже или праве танцевать лезгинку посреди среднерусской равнины. Пирог становится меньше, значит, конфликт будет становиться все острее.

Шестое. Явная утрата стратегического видения многими национальными элитами, которые в побеге от бюрократического понимания политики начали мыслить совсем уже идеологическими категориями. Простой пример: именно современный сирийский режим является в настоящее время той *пробкой*, которая мешает формированию полноценной *дуги нестабильности* во всем восточном и центральном Средиземноморье — от Туниса до границ Турции, а возможно, и несколько дальше на Восток. Кому эта *дуга нестабильности* угрожает в первую очередь, так это Европе и эта угроза очевидна уже сейчас. Несмотря на это, сирийский режим подвергается беспрецедентному давлению со стороны ЕС, причем, видимо, исключительно с одной целью — добиться окончательной геостратегической изоляции Ирана, лишив его последнего регионального союзника. И, напротив, создать на его западных границах очаг антишиитски настроенного салафизма. Вряд ли это можно списать на простую геополитическую невменяемость современного поколения европейских политиков, хотя признаки этой болезни нет-нет, да и проскальзывают. Скорее, речь идет о движении современной Европы *без вектора*, когда непонятно, где стратегия, где тактика, где простая политическая конъюнктура, где желание подыграть Вашингтону, а где стратегические ценности и долгосрочные задачи.

Очевидно, что нас ждет веселенькое десятилетие. Подозреваю, что, если в декабре 2012 г. нас не настигнет конец света, согласно пророчествам маяя, то не позднее 2014–2015 г. начнется резкая перестройка всей системы международных отношений как в политике, так и в экономике, не говоря уже про силовую сферу. Но ведь сращивание экономических и силовых факторов в глобальной политике, если хотите, военизация экономики, — это как раз тот *бульон*, в котором и дохо-

дят до кондиции будущие глобальные военные конфликты. И этот бульон начал, да простят мне этот каламбур, побулькивать. И вот это *побулькивание* будет, вероятно, самым важным процессом в сфере глобальной безопасности на ближайшее время. Вот только, боюсь, не всегда удастся за ним только наблюдать со стороны.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Table. Summary of Treasury securities outstanding. 2011, August 31, <http://www.treasurydirect.gov/govt/reports/pd/mspd/2011/opds082011.pdf> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.); Masters Jonathan. US debt ceiling: cost and consequences. 2011, August 2, <http://www.cfr.org/international-finance/us-debt-ceiling-cost-consequences/p24751> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

² Table 1.3. Summary of Receipts, Outlays, and Surpluses or Deficits in Current Dollars, Constant (FY 2005) Dollars, and as Percentages of GDP: 1940–2016, <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

³ В США текущий финансовый год начинается 1 октября предыдущего года и заканчивается 30 сентября текущего года. Так, 2011 финансовый год начался 1 октября 2010 г. и закончился 30 сентября 2011 г.

⁴ В США исследовательские центры и СМИ регулярно проводят несколько десятков опросов общественного мнения. Их результаты по одной и той же проблеме могут расходиться между собой на 10–15%, что открывает возможность манипулировать ими. В данном случае использованы усредненные и взвешенные результаты различных исследований, что дает относительно точное представление о состоянии общественного мнения и тенденциях его изменений. Эти данные регулярно публикуются на очень полезном веб-сайте <http://www.huffingtonpost.com> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁵ National Job Approval: President Barack Obama, http://www.huffingtonpost.com/2009/01/06/jobapproval-obama_n_726319.html (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁶ Belasco Amy. The Cost of Iraq, Afghanistan, and other global War on terror operations since 9/11. CRS Report for Congress RL33110. Congressional Research Service. 2011, March 29. P. 3

⁷ Eurostat, <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/themes> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁸ Ремчуков Константин. Заигрывание с «русской темой» — фундаментальная ошибка власти. *Независимая газета*. 2011, 4 октября. http://www.ng.ru/politics/2011-10-04/100_kvrecho0310.html (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁹ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 г. Документ ООН S/RES/1973 (2011). Para 4. Упомянутый в данном документе пункт 9 резолюции 1970 (2011) вводил эмбарго на поставки в Ливию вооружений и военной техники — то есть резолюция 1973 разрешала ввозить на территорию Ливии вооружения для защиты гражданского населения.

¹⁰ Соловьев Владимир, Габуев Александр. Россия уклоняется от противоракет. *Коммерсант*. 2011, 3 октября, <http://www.kommersant.ru/doc/1786620> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹¹ Мостовая Юлия. Об уговоре и приговоре. *Зеркало недели. Украина*. 2011, 30 сентября. <http://zn.ua/articles/88816> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹² Данные по военным расходам в рублях взяты из SIPRI Military Expenditures Database — Russia, <http://milexpdata.sipri.org/result.php4> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.). Оценки СИПРИ учитывают ряд расходов на военные цели (космические программы, ГЛОНАСС и т. п.), которые включены в графу «национальная оборона» российских законов о государственном бюджете, и поэтому являются более близкими к реальности, чем официальные данные. Они пересчитаны в доллары с применением коэффициента пересчета по паритету покупательной способности, используемого Мировым валютным фондом.

IMF, WEO, Data & Statistics. 2011, September, <http://www.imf.org/weodata/weoselgr.aspx> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.). Пересчет по ППС позволяет более адекватно сопоставить финансовые показатели различных стран, чем пересчет по текущему обменному курсу, который занижает российские военные расходы в долларовом выражении.

¹³ Военный бюджет России на 2011–2013 годы: прощание с иллюзиями. *Военное обозрение*. 2010, 29 октября, <http://www.siliyan.ru/archives/7728> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁴ Кудрин «подрежет» военные расходы бюджета, <http://www.newsru.com/finance/25may2011/sequestr.html> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁵ Это подтверждается высказываниями самого Д. А. Медведева. Так, выступая 27 сентября 2011 г. на встрече с командирами, он заявил: «У России всегда будут очень высокие расходы на поддержание обороны и безопасности, в этом наша миссия и в отношении наших граждан, и в отношении наших соседей», <http://www.president.kremlin.ru/transcripts/12836> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁶ None so blind as those who won't see.